

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

В ПЕРЕВОДЕ БОРИСА КРИГЕРА

ИЗБРАННОЕ

 ALTASPERA

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА
В ПЕРЕВОДЕ БОРИСА КРИГЕРА

ИЗБРАННОЕ

© 2021 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Cuando me paro a contemplar mi estado
y a ver los pasos por donde he venido,
me espanto de que un hombre tan perdido
a conocer su error haya llegado.

Cuando miro los años que he pasado
la divina razón puesta en olvido,
conozco que piedad del cielo ha sido
no haberme en tanto mal precipitado.

Entré por laberinto tan extraño
fiando al débil hilo de la vida
el tarde conocido desengaño,

mas, de tu luz mi escuridad vencida,
el monstruo muerto de mi ciego engaño,
vuelve a la patria la razón perdida

1.*****

Когда я сам, своим глазам не веря,
Перебираю жизнь шаг за шагом,
Я потрясён, как мог считать я благом
То, что вело к неслыханным потерям.

Я вижу цепь своих капитуляций,
Когда мой разум горько заблуждался
И сам с собой неистово сражался,
Чтоб средь других сильнее выделяться.

И в лабиринт вошедши юной ранью,
Я, нити жизни доверяя слепо,
Послеполуденного разочарованья

Не избежал. И не нашел в нем света!
А лишь самообмана осознанье
И на вопрос отсутствие ответа.

Romance

A mis soledades voy,
de mis soledades vengo,
porque para andar conmigo
me bastan mis pensamientos.

No sé qué tiene el aldea
donde vivo y donde muero,
que con venir de mí mismo,
no puedo venir más lejos.

Ni estoy bien ni mal conmigo;
mas dice mi entendimiento
que un hombre que todo es alma
está cautivo en su cuerpo.

Entiendo lo que me basta,
y solamente no entiendo
cómo se sufre a sí mismo
un ignorante soberbio.

De cuantas cosas me cansan,
fácilmente me defiendo;

pero no puedo guardarme
de los peligros de un necio.

Él dirá que yo lo soy,
pero con falso argumento;
que humildad y necedad
no caben en un sujeto.

La diferencia conozco,
porque en él y en mí contemplo
su locura en su arrogancia,
mi humildad en mi desprecio.

O sabe naturaleza
más que supo en este tiempo,
o tantos que nacen sabios
es porque lo dicen ellos.

«Sólo sé que no sé nada»,
dijo un filósofo, haciendo
la cuenta con su humildad,
adonde lo más es menos.

No me precio de entendido,
de desdichado me precio;
que los que no son dichosos,

¿cómo pueden ser discretos?

No puede durar el mundo,
porque dicen, y lo creo,
que suena a vidrio quebrado
y que ha de romperse presto.

Señales son del juicio
ver que todos le perdemos,
unos por carta de más,
otros por carta de menos.

Dijeron que antiguamente
se fue la verdad al cielo;
tal la pusieron los hombres,
que desde entonces no ha vuelto.

En dos edades vivimos
los propios y los ajenos:
la de plata los extraños,
y la de cobre los nuestros.

¿A quién no dará cuidado,
si es español verdadero,
ver los hombres a lo antiguo
y el valor a lo moderno?

Todos andan bien vestidos,
y quéjanse de los precios,
de medio arriba romanos,
de medio abajo romeros.

Dijo Dios que comería
su pan el hombre primero
en el sudor de su cara
por quebrar su mandamiento;

y algunos, inobedientes
a la vergüenza y al miedo,
con las prendas de su honor
han trocado los efectos.

Virtud y filosofía
peregrinan como ciegos;
el uno se lleva al otro,
llorando van y pidiendo.

Dos polos tiene la tierra,
universal movimiento,
la mejor vida el favor,
la mejor sangre el dinero.

Oigo tañer las campanas,
y no me espanto, aunque puedo,
que en lugar de tantas cruces
haya tantos hombres muertos.

Mirando estoy los sepulcros,
cuyos mármoles eternos
están diciendo sin lengua
que no lo fueron sus dueños.

¡Oh, bien haya quien los hizo!
Porque solamente en ellos
de los poderosos grandes
se vengaron los pequeños.

Fea pintan a la envidia;
yo confieso que la tengo
de unos hombres que no saben
quién vive pared en medio.

Sin libros y sin papeles,
sin tratos, cuentas ni cuentos,
cuando quieren escribir,
piden prestado el tintero.

Sin ser pobres ni ser ricos,

tienen chimenea y huerto;
no los despiertan cuidados,
ni pretensiones ni pleitos;

ni murmuraron del grande,
ni ofendieron al pequeño;
nunca, como yo, firmaron
parabién, ni Pascuas dieron.

Con esta envidia que digo,
y lo que paso en silencio,
a mis soledades voy,
de mis soledades vengo.

2.*****

От одиночества бегу,
Но неизбежно возвращаюсь!
И, с жизнью каждый день прощаясь,
Всё прощаться не могу.

Моей душе чужд плоти дом,
Она в нём тихо погибает,
И как ей быть, увы, не знает.
Ей неуютно в доме том.

И прав я или же не прав,

Во мне не больше пониманья,
Чем в камне ясного сознанья,
Душа скорбит во мне, устав.

Я так и не постиг себя,
Не понимаю, что мне нужно,
Зачем стенает так натужно
Гордыня жалкая моя?

Мне с ней не справиться никак,
Сам пред собой я беззащитен,
И гордый дух мой ненасытен,
И сам себе и друг, и враг.

И так, валяя дурака,
Ищу я тщетно аргументы,
Что есть счастливые моменты,
Что стоит жить ещё пока.

Но есть ли разница при том
Меж светом этим и не этим?
Возможно, что и не заметим,
Как поменяем мы притон!

Природе вовсе дела нет
До наших вкусов, чувств и мнений,

Она меж солнечных затмений
Наш не заметит слабый след.

Вся суть скрывается в словах:
"Познать, что ничего не знаю!"
Любое знание растает,
Едва рассыпемся мы в прах.

Я жизнь оценивал всегда
Ценой никчемной, злополучной;
Мне всё на свете было скучно,
Хоть не скучал я никогда.

Мир сей пора нам оставлять,
Едва ли он продлится долго,
Его разрушит бремя долга,
Который нечем покрывать.

Сей мир забыть приходит срок,
Нам предстоит покинуть землю
Глухими, никому не внедля,
Так и не выучив урок.

Мы отправляемся туда,
Откуда точно нет возврата,
Насытив плоть свою развратом,

На все грядущие века.

Где серебро - там будет медь,
Где доброта - там злые мысли,
Я здесь чужой, в каком-то смысле,
И мне не страшно умереть.

И мне давно уж всё равно,
Что в мире правда, что неправда,
Коль бегство из земного ада
Мне всё равно запрещено.

Зачем нам клясть дорожизну
Или следить за сменой мод?
Коль каждый среди нас умрет,
Созвав друзей к себе на тризну.

Коль Бог сказал, что будем есть
В поту добытый хлеб насущный
И что продлится в век грядущий,
За ослушанье Его месть.

Что непослушные сыны
Должны стыдиться и бояться,
Покуда наказания делятся,
Хоть на сынах тех нет вины.

Пытливый ум и добродетель
Не ощущают слепоты,
Словно незрячие кроты
Иль неродившиеся дети.

Среди земли двух полюсов
Нас увлекает, без сомненья,
Универсальное движение
Кровавых денег и грехов.

Мы слышим звон колоколов,
Но не боимся смерти зова,
Кто мёртв, не умирает снова,
Живых так много мертвецов.

И не страшны ряды могил
И их чернеющие пасти,
В предательстве, в забвенье, в страсти
Бояться их нет больше сил.

И всякий, кто могилы роет,
В конце концов сам в них ложится,
Хоть будь ты доблестнейший рыцарь,
Но и тебя землей накроет.

А посему мы все равны,
Включая даже тех великих,
Чьи столь могущественны лики,
Ведь и они обречены.

И посему нам к ним питать
Не стоит мелочную зависть,
Навряд ли им, великим, в радость,
Своё величье оставлять.

И обывателям простым,
Кто тихо счастье своё строит,
Увы, завидовать не стоит.
Их счастье обратится в дым.

И кто советам этим внял,
Себя почувствует свободным,
Богатых с массою народной
Размер могилы уравнял.

Ведь никому и дела нет,
Как на земле ты этой прожил
И чем в конце ты подытожил
Свой список беспокойных лет.

И потому не берегу

Я дней своих, не обольщаясь,
От одиночества бегу,
Но неизбежно возвращаюсь!

Ningún hombre nació para admitido,
que ninguno merece ser amado,
que si en porfías cansa un desdichado,
matará, en presunciones un querido.

Mal se queja el mejor de aborrecido,
que en daño de razón no hay desdichado,
sobra el ser hombre ya para culpado,
y basta ser amor para ofendido.

No estén las hermosuras, no, quejasas
del común desacuerdo de la dicha,
que no hay suerte mayor que ser hermosas.

¡Oh, tantas veces ignorancia dicha!
que si un hombre pudiera hacer dichosas,
no fuera menester otra desdicha.

3.*****

Всяк человек родился для любви,
И это справедливо, без сомненья,
Однако есть на то иное мненье,
Что в этом мире мы навек одни.

Что ж нелюбимы лучшие из нас?
За разум свой пытливый нелюбимы.
Не нравятся вам мудрые мужчины,
Что правду говорят вам без прикрас.

Красавицам весьма по сердцу ложь
И россыпи дешевых комплиментов,
Хоть, впрочем, с женщин этих что возьмешь?

Они лишь ждут удобного момента,
Чтобы вонзить своих упреков нож
В очередного горе-претендента.

Es la mujer del hombre lo más bueno,
y locura decir que lo más malo,
su vida suele ser y su regalo,
su muerte suele ser y su veneno.

Cielo a los ojos, cándido y sereno,
que muchas veces al infierno igualo,
por bueno, al Mundo, su valor señalo;
por malo, al hombre, su rigor condeno.

Ella nos da su sangre, ella nos cría;
no ha hecho el Cielo cosa más ingrata;
es un ángel y a veces una arpía.

Quiere, aborrece, trata bien, maltrata,
y es la mujer, en fin, como sangría,
que a veces da salud y a veces mata.

4.Что женщина прекраснее мужчины,
Поспорить может лишь умалишенный,
Ни разу, видно, не бывший влюбленный,
Ведь преимущества её не оспоримы!

В очах её спокойствие небес
И искра несомненного порока,
Одновременно ангел в ней и бес
Ждет своего вдруг проявиться срока!

Она нам дарит вечную любовь,
Готовую назавтра испариться.
И в дни, когда она теряет кровь,

В неё все демоны спешат вселиться.
Она нам и рабыня, и царица,
То заставляет плакать, то веселиться!